

Либертарианец как консерватор

Боб Блэк

В этой статье Боб Блэк показывает, как либертарианцы даже в России самостоятельно отрекаются от освободительного пафоса анархических идей и добровольно вступают в ряды консерваторов. Перечи текст острыми подколами, Блэк, тем не менее, грамотно деконструирует всю суть этой идеологии, доказывая, что в глубине она (буквально) дословно воспроизводит и общий этатизм, и (даже) марксизм-ленинизм, в подавление свободы индивида. Описываемый самим Блэком желаемый мир при этом является не левым, а постлевым — его можно было бы описать в виде смеси постцивилизационизма, эгоизма, бескомпромиссного анархизма, анти/посттруда и наследия Делёзовских идей.

Я обещал обсудить сегодня, грубо говоря, тему «либертарианца как консерватора». Лично для меня это настолько очевидно, что я даже и не знаю, что сказать людям, которые до сих пор каким-то образом связывают либертарианство со свободой. Либертарианец — это просто член Республиканской партии, который курит траву. Будь моя воля, я бы лучше обсудил что-нибудь более спорное, например, «фаллический оргазм как миф». Но поскольку посещение мною этого собрания оплачено почтенным распространителем почти полной библиотеки по гнусным розыгрышам и грязным уловкам, мне неудобно выйти на подиум и начать нести отсебятину. Итак, мне, как велено, действительно придется расчленить здесь священную корову либертарианства — но позволю себе заодно пару раз двинуть левой в правую сторону, от себя лично. И я не собираюсь упрощать себе жизнь. В принципе, достаточно было бы отметить любовь либертарианской партии к рыночному капитализму в духе Трехсторонней комиссии, оставить вас и пойти на все четыре стороны искать бесплатное пиво. Пяти минут хватит, чтобы сказать: всякий, пытающийся тушить пожар огнем, рано или поздно сгорит.

Однако если бы я ограничился этим, кто-нибудь обязательно вскочил бы и сказал, что либертарианская партия предала либертарианское дело — как христиане, которые утверждают, что их поведение примерно за последние 1900 лет не может дискредитировать само христианство. Бывали либертарианцы, которые пытались

вырвать либертианство из когтей либертианской партии, — точно так же, как некоторые христиане старались отнять христианство у «христианской цивилизации», а некоторые коммунисты (я сам таким был) пытались защитить коммунизм от коммунистических партий и государств. Эти люди (я в том числе) хотели, как лучше, но у них ничего не вышло. Либертианство и есть правомаргинальная партократия — так же, как социализм и есть то, что восточноевропейские диссиденты называют «реальным социализмом»: практикующий государственный социализм с очередями, нормами, коррупцией и принуждением. Но это либертианское пугало, и без того падающее, мне валить не хочется. Ну да, одна из фракций рейгановских правых присвоила себе, подлым образом отделив от других, такие либертианские лозунги, как дерегуляция и волюнтаризм. Идеологи возмущаются Рейганом, опошлившим их принципы. Ах, бедолаги! Только почему-то те принципы, которые он выбрал для опошления — это именно их принципы, а не мои. Меня эти свары не интересуют. У меня есть куда более глубокие причины рассматривать либертианство как консерватизм.

Цель моей критики — это то, что объединяет всех либертианцев и между собой, и с их злейшими оппонентами. Либертианцы служат государству — тем лучше, чем больше они выступают против него. В глубине души они просто хотят того же. Но нельзя хотеть того, что хочет государство, и не хотеть при этом самого государства, поскольку то, что ему нужно — это и есть условия, про которых оно процветает. Мой (неконструктивный) подход к современному государству — рассматривать его как интегрированную общность. Глупые догматические теории, называющие государство паразитическим наростом на теле общества, не могут объяснить ни его выживание в течение многих веков, ни его ползучее проникновение все дальше в бывшую область свободного рынка, ни то, что подавляющее большинство людей — в том числе очевидные его жертвы — принимает его.

Гораздо более вероятно, что государство и (по крайней мере) этот вид общества живут в некотором (пусть гадком) симбиозе; что и государство, и такие учреждения, как рынок и базисная семья, суть различные формы иерархии и управления. Они не всегда существуют в гармонии друг с другом (здесь как раз можно упомянуть их борьбу за территорию), но их объединяет желание передавать все конфликты на рассмотрение элиты или экспертов. С одной стороны, демонизировать авторитарные манеры государства и, с другой стороны, игнорировать абсолютно такие же, хотя и освященные контрактами, рабские отношения в крупных корпорациях, управляющих мировой экономикой — это худший вид фетишизма. Тем не менее (согласно самому крикливому из радикальных либертианцев, профессору Мюррею Ротбарду), нет ничего нелибертианского в «организованности, иерархичности, работе по найму, денежных пожертвованиях со стороны миллионеров-либертианцев и либертианской партии». Тем самым либертианство есть просто консерватизм под рационалистским, позитивистским глянцем.

Либертианцы оказывают такую услугу государству, какую никто, кроме них, оказать не может. Несмотря на все жалобы по поводу незаконных его притязаний, они, в моменты просветления, признают, что в значительной степени государство все же правит по согласию, а не по принуждению — то есть, в современных «либертианских» терминах, государство не правит вообще: оно всего лишь выполняет

явные и неявные пункты заключенного договора. Утверждение, что принуждение происходит по согласию, кажется противоречием — но это противоречие жизни, а не формулировки, и передать его можно только диалектическим рассуждением. Одномерная силлогистика не может описать мир, который сам по себе ее ясностью не наделен. Если ваш язык лишен поэзии и парадоксов, действительность вам не по силам. В этом случае ничего нового в буквальном смысле слова сказать нельзя. Схоластическая логика формулы « $A=A$ », созданная католической церковью и без вопросов унаследованная либертарианцами от поклонников Айн Ранд, так же удушающе консервативна, как новояз из «1984».

В основном государство управляет только потому, что пользуется поддержкой общества. Либертарианцы стыдятся (и по праву) того, что государство поддержано массами — включая в большинстве случаев их самих.

Либертарианцы только усиливают привычку к покорности, направляя глобальное, или склоняющееся к этому, недовольство на сугубо частные стороны и функции государства — причем те, которые сами они первыми признают несущественными! Тем самым они превращают потенциальных революционеров в ремонтных рабочих. Конструктивная критика — самая тонкая форма лести. Если бы либертарианцам и вправду удалось освободить государство от избыточных обязанностей — что ж, это как раз могло бы его спасти. Почтение к власти перестало бы страдать от зрелища всепроникающей чиновной некомпетентности. Чем больше того, что делает государство, тем больше того, что оно делает плохо. Очевидно, что «маленький человек» неприязненно относится к коммунизму именно потому, что ни при каких условиях не хочет, чтобы вся экономика работала так же, как почта. Государство хотело бы видеть своих солдат и полицейских фигурами уважаемыми и почитаемыми; форма, надетая на лесников и мусорщиков, теряет большую часть своего мистического блеска.

Властные идеалы и институты стремятся сливаться воедино — и объективно, и субъективно. Вспомним замечание Эдварда Гиббона о вечном союзе Трона и Алтаря. А разочарование в признанных догмах, напротив, имеет свойство распространяться. Если у свободы есть какое-то будущее, оно в этом разочаровании. До тех пор, пока отчуждение не осознает себя, все обожаемое либертарианцами личное оружие будет бессильно против государства.

Можно возразить, что все сказанное относится к меньшинству либертарианцев — к так называемым минархистам — но не к большинству, провозглашающему себя анархистами. Это не так. На мой вкус, анархист правого толка — это минархист, который хотел бы к собственной радости отменить государство методом переименования. Повторю — эта инцестуозная семейнаяссора меня не касается. Обе группы требуют частичной или полной приватизации функций государства, но ни одна из них не ставит под вопрос сами эти функции. Они не возражают против всего того, что делает государство, — им просто не нравится, кто это делает. Поэтому меньше всего симпатий к либертарианству испытывают те, кто страдает от государства больше всего. Объект угнетения не разбирается в документах, предъявленных угнетателем. Если ты не хочешь или не можешь заплатить, тебе совершенно все равно, что именно у тебя вымогают — ренту, налог, штраф или реституцию. Если ты хочешь сам распределить свое время, то разница между наемной работой и рабством для тебя — только

в их длительности и интенсивности. Идеология, которая превосходит все прочие (кроме, возможно, марксизма) в своем восхищении рабочей этикой, может только свести борьбу против авторитаризма с рельсов — даже если поезда в результате будут отправляться по расписанию.

Второй мой аргумент, связанный с первым: либертарианская фобия по отношению к государству отражает и поддерживает фундаментальное непонимание тех сил, что отвечают в современном мире за социальный контроль. Если — и это большое если, особенно для буржуазных либертарианцев — вы хотите максимально усилить автономию индивида, то государство — это очевидным образом последнее, что стоит у вас на пути.

Представьте себе, что вы — марсианский антрополог, который изучает Землю, смотрит на нее в самый лучший телескоп с самыми последними видеоприспособлениями. Земные языки вы пока не расшифровали, и потому можете только записывать, что земляне делают, не имея понятия о принятых среди них заблуждениях. Однако в первом приближении вы можете отличить то, что они делают по желанию, от всего остального. Первое ваше важное открытие — это то, что земляне проводят почти все свое время за делами, которыми они занимаются не хотят. Единственное важное исключение — это несколько постоянно уменьшающихся групп собирателей-охотников: их не беспокоят правительство, церковь и школа, они отводят на поиск и добычу пропитания четыре часа в день, причем их деятельность так сильно напоминает то, чем в индустриальных капиталистических странах заполняют свой досуг привилегированные классы, что вы не можете точно определить, работают эти люди или развлекаются. Однако государство и рынок очень быстро уничтожают эти анклавы, и вы совершенно законно сосредоточиваете свое внимание на почти глобальной системе — которая, несмотря на очевидные внутренние противоречия, проявляющиеся в войнах, тем не менее, всюду, по большому счету, одна и та же. Затем вы замечаете, что маленькие земляне почти целиком зависят от семьи и от школы, иногда также от церкви, а кое-где — от государства. Взрослые тоже часто собираются в семье, но большую часть времени они проводят на работе, и там же их контролируют сильнее всего. Итак, даже не обсуждая вопрос о том, насколько в узких рамках производительной деятельности каждого все продиктовано мировой экономикой, мы, естественно, заключаем, что источник главного и прямого насилия, испытываемого типичным взрослым человеком, это не государство, но работодатель. За неделю ваш непосредственный начальник отдает вам больше прямых приказов, чем полиция — за десять лет.

Если смотреть на мир без предрассудков, но имея перед собой цель максимально увеличить свободу, то главная принуждающая сила — это не государство, а работа. Либертарианцы, ничтоже сумняшеся призывающие отменить государство, тем не менее, воспринимают выступления против работы с ужасом. Призыв отменить работу, разумеется — это издевательство над здравым смыслом. Так же, как и призыв отменить государство. Но представим себе, что среди либертарианцев устроили референдум, где надо выбрать либо отмену работы с сохранением государства, либо отмену государства с охранением работы — есть ли какие-нибудь сомнения в его результате?

Либертарианцы поклоняются последовательной логике и количественному анализу. Попытайся они применить эти методы к собственным идеалам, результат был бы шокирующим. В этом и есть цель моего марсианского мысленного эксперимента. Я ни в коем случае не хочу сказать, что государство не так омерзительно, как его изображают либертарианцы. Но все сказанное наводит на мысль, что государство важно не столько прямым своим насилием над, например, солдатами и заключенными, сколько неявной поддержкой работодателей, которые ставят по струнке рабочих, владельцев магазинов, которые арестовывают мелких воришек, и родителей, которые владычествуют над детьми. Вот те классы, в которых обучают подчинению. Разумеется, всегда есть горстка странных людей вроде анархо-капиталистов или анархистов-католиков, но они лишь исключение, которое подтверждает правило.

В отличие от побочных тем вроде безработицы, профсоюзов и минимальной заработной платы, тема собственно работы в либертарианской литературе почти никогда не затрагивается. Из того, что есть, большая часть — инвективы против паразитов в духе Айн Ранд, почти неотличимые от ругани советской прессы в адрес диссидентов, и вызубренные в воскресной школе общие места в том духе, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, — и это от жирных котов, которые этим сыром обожрались. Редкое исключение — рецензия на книгу 1980 года, опубликованная в журнале «Либертарианское обозрение» профессором Джоном Хоспером, старейшим государственным деятелем либертарианской партии, вылетевшим из Коллегии выборщиков еще в 1972-м. Да, то была на редкость воодушевляющая апология работы, созданная университетским профессором, который сам в жизни никакой работы не выполнял. Чтобы продемонстрировать, насколько его аргументы консервативны по сути, достаточно показать, что они во всех существенных местах сходятся с марксизмом-ленинизмом.

Хосперс полагал, что можно оправдать наемную работу, фабричную дисциплину и иерархическое управление производством, показав, что все это практикуется как при капитализме, так и при ленинистских режимах. Интересно, а принял ли бы Хосперс аналогичный довод в пользу репрессивных законов о сексе и наркотиках? Как и другие либертарианцы, Хосперс чувствует себя неуверенно — отсюда и неспровоцированные провокации по отношению к красным — потому что когда дело доходит до освящения классового общества и работы, источника его силы, ленинизм отличается от либертарианства не больше, чем кока-кола от пепси-колы. Только встав на твердую почву фабричного фашизма и офисной олигархии, ленинисты и либертарианцы осмеливаются спорить о разделяющих их тривиальных вопросах. Добавьте сюда консерваторов из мейнстрима, которые думают точно так же, — вот вам поистине Трехсторонняя идеология работы, каждому — по личному вкусу.

Хосперс, которому самому этого делать не приходится, не видит ничего оскорбительного в том, чтобы выполнять приказы начальства — поскольку «как еще можно организовать крупную фабрику? Другими словами, «стремиться уничтожить власть в крупной промышленности — это все равно, что стремиться уничтожить саму промышленность». Опять Хосперс? Да нет, Фридрих Энгельс. И Маркс с этим согласен: «Попробуйте заставить большой завод в Барселоне работать без начальства — то есть без управления!» (Как раз это и сделали каталонские рабочие в 1936 году, пока их лидеры анархо-синдикалисты тянули время и торговались с правительством.) «Кто-

то, — говорит Хосперс, — должен принимать решения, а, — вот оно! — кто-то другой должен их выполнять». Почему? Ленин, его предшественник, точно так же принимал «индивидуальную диктатуру», чтобы обеспечить «строгое и абсолютное единство воли». «Но как можно обеспечить строгое единство воли? Только если тысячи подчинят свою волю одному». Чтобы промышленное производство функционировало, необходимы «железная дисциплина в работе и безусловное подчинение воле одного человека, советского лидера, во время работы». *Arbeit macht frei!*

Одни отдают приказы, другие выполняют их *Arbeit macht frei* — вот сущность рабства. Конечно, как коварно отмечает Хосперс, «можно, по крайней мере, сменить работу», но вот вообще избежать работы нельзя — точно так же, как при государственной системе можно сменить подданство, но нельзя избежать подчинения тому или другому национальному государству. А ведь свобода — это нечто большее, чем право менять хозяев.

Хосперс и другие либертарианцы ошибочно полагают, следя манчестерскому промышленнику Энгельсу, что технология требует разделения труда «независимо от социальной организации». На самом деле фабрика и есть инструмент социального управления, самое эффективное из всех когда-либо придуманных средств, закрепляющих социальную пропасть между немногими, «принимающими решения», и большинством, «выполняющим их». Промышленные технологии — это в гораздо большей степени не причина, но результат тоталитаризма на рабочем месте. Поэтому бунт против работы — выраженный в прогулах, вредительстве, воровстве, текучести кадров, приписках и необъявленных забастовках — несет в себе куда больше надежды на освобождение, чем любые махинации «либертарианских» пропагандистов и политиков.

По большей части работа служит хищническим целям коммерции и насилия, и ее можно просто полностью отменить. То, что осталось, можно истребить автоматизацией и/или переделать — с помощью настоящих экспертов, а именно самих рабочих — в творческие, игровые виды деятельности, разнообразие и внутренняя радость которых сделают равно устаревшими все посторонние стимулы — и капиталистический пряник, и коммунистический кнут. Во времена мета-промышленной революции, которая, можно надеяться, не за горами, коммунисты-либертарианцы, бунтующие против работы, окончательно сведут счеты и с коммунистами, и с либертарианцами, работающими против бунта. Вот тогда-то и дойдет до настоящего дела!

Даже если все, что я сказал про работу — например, возможность ее отменить, — покажется вам визионерской бессмыслицей, вывод о ее внутренней тенденции мешать свободе все равно сохраняет силу. Ваша жизнь, ваше время — это единственный товар, который можно продать, но нельзя купить. Мюррей Ротбард полагает, что равенство противно природе — однако день Ротбарда делится на те же 24 часа, что и у всех остальных. Если большую часть своей активной жизни вы выполняете приказы и целуете задницу начальника, если вы привыкаете к иерархии — вы становитесь пассивно-агрессивным, садомазохистским, сервильным и тупым существом, и этот груз будет пребывать с вами всю оставшуюся жизнь. Не умея жить свободно, вы удовлетворяйтесь идеологическим представлением свободы — например, либертарианством. К ценностям нельзя подходить, как к работницам — нанимать и увольнять их по собственному усмотрению, фиксировать место каждой в навязанном разделе-

нии труда. Воздух свободы и вкус наслаждения нельзя разделить на упаковочные единицы.

Либертарианцы ноют, что государство есть паразит, нарост на обществе. Они считают его опухолью, чем-то, что можно вырезать, и пациент будет, как был, только лучше. Их обманывают их собственные метафоры. Государство, как и рынок — это не сущность, но деятельность. Единственный способ отменить государство — это изменить образ жизни, в котором оно является составной частью. Образ жизни — если это можно назвать жизнью — нацеленный на работу и включающий в себя бюрократию, морализм, систему школ, деньги и многое другое. Либертарианцы — это консерваторы, потому что они явным образом хотят большую часть этого безобразия сохранить, и неявно, сами того не желая, обеспечивают сохранность оставшейся части. Но они плохие консерваторы — потому что забыли о той действительно существующей взаимосвязи идеологий и институций, которая была изначальным, образующим наблюдением консерваторов исторических. Совершенно потеряв связь с реальными течениями современного сопротивления, они отмечают практическую оппозицию системе, такую как «нигилизм», «луддизм», и другие громкие слова, которых они не понимают. Одного лишь взгляда на мир достаточно, чтобы понять, что их утопический капитализм по отношению к государству просто неконкурентоспособен. Имея таких врагов, как либертарианцы, государство уже не испытывает потребности в друзьях.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

Боб Блэк

Либертарианец как консерватор

Скопировано 23.02.2025 с <https://pub.wikireading.ru/89618>

ru.anarchistlibraries.net